

ЗВѢНО

ЕЖЕНЕДѢЛЬНАЯ
ЛИТЕРАТУРНО-ПОЛИТИЧЕСКАЯ
подъ редакціей

„ZWENO“

Journal Hebdomadaire :-: Paraissant les Lundis

М. М. Винавера и П. Н. Милукова 52-122 Directeurs: M. M. Vinaver et P. N. Milioukov

ВЫХОДИТЪ ПО ПОНЕДѢЛЬНИКАМЪ.

СОДЕРЖАНІЕ НОМЕРА:

Обзоръ «За недѣлю». — Послѣднія Извѣстія. — Живой Трупъ С. ПОЛЯКОВА-ЛИТОВЦЕВА. — Сергей Аркадьевичъ Андреевскій (Воспоминанія) М. ВИНАВЕРА. — Два стихотворенія АННЫ АХМАТОВОЙ. — Въ горныхъ даяхъ (Разсказъ) ГЕОРГІЯ ГРЕБЕНЩИКОВА. — Брюсовъ и о Брюсовѣ К. МОЧУЛЬСКАГО. — Искусство нашихъ дней: Скульптура Лишница АНДРЕЯ ЛЕВИНСОНА. — Музыкальная жизнь: Механизація звука Б. ШЛЕЦЕРА. — Театръ: Мольеръ и Гоголь Б. Ш. — Замѣтки читателя. Отзывы о книгахъ. — Хроника. — Академическая жизнь. — Шахматы, подъ ред. Е. А. ЗНОСКО-БОРОВСКАГО. — Объявленія.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

Во Франціи:		За-границей:	
На 1 мѣс.	1 фр. 50	На 1 мѣс.	2 фр. —
» 3 »	4 » —	» 3 »	5 » 50
» 6 »	8 » —	» 6 »	11 » —
На годъ	15 » —	На годъ	20 » —

ДЛЯ ПОДПИСЧ. «ПОСЛ. НОВОСТЕЙ»:

Во Франціи:		За-границей:	
На 1 мѣс.	1 фр. —	На 1 мѣс.	1 фр. 50
» 3 »	3 » —	» 3 »	4 » 50
» 6 »	6 » —	» 6 »	8 » 50
На годъ	11 » —	На годъ	16 » —

Приемъ подписки и объявленій въ конторѣ «ПОСЛѢДНИХЪ НОВОСТЕЙ», 22, Rue d'Anjou, Paris (8e)
Телефонъ: Élysées 35-58

Цѣна отдѣльнаго номера: Во Франціи 35 сантим. — За-границей 50 сантим.

ТЕАТРЪ.

Спектакли Брюссельскаго театра.

(Мольеръ и Гоголь).

Труппа молодого брюссельскаго театра du Magais на дняхъ посѣтила Парижъ. На сценѣ Вье Коломбье поставлены были: «Сганарель» Мольера и «Женитьба» Гоголя.

Руководители Magais находятся подъ сильнымъ вліяніемъ Копо и его реформаторскихъ стремленій, которыя вызвали къ жизни и направили ихъ дѣятельность съ самаго возникновенія ея. Мечты Делякра, директора брюссельской труппы, о возрожденіи театра и о путяхъ къ этому возрожденію — близки парижской «Голубятнѣ». Первоначальный же источникъ ихъ нужно искать въ Москвѣ, у «Художественниковъ», вдохновителей парижскихъ реформаторовъ. И Копо, и Делякръ ищутъ спасенія театра въ психологическомъ реализмѣ; къ этому именно сводится, мнѣ кажется, смыслъ ихъ исканій, своеобразно преломляющихъ опытъ и достиженія Художественниковъ, методы «вживанія», которыхъ они стараются примѣнить у себя, развить и дополнить. Прямолинейности москвичей мы не найдемъ, однако, у парижанъ и брюссельцевъ; они не хотятъ, да и не могутъ отказаться отъ нѣкоторой чистой театральности и пытаются найти какой то средній путь, дать синтезъ разнородныхъ элементовъ. Тѣмъ особенно и интересны для насъ, русскихъ, эти спектакли, синтеза не осуществляющіе, но изобилующіе удачными моментами, богатые и превосходными намѣреніями.

Мольеръ и Гоголь въ толкованіи брюссельцевъ дополняли другъ друга.

Въ «Сганарелѣ» преобладала театральность; условность торжествовала откровенно. Комедія Мольера обращена была въ фарсъ, въ клоунаду. Декорация... Какое то подобіе колонады въ глубинѣ. Ни малѣйшаго стремленія къ реализму въ постановкѣ; ни малѣйшей попытки какъ бы то ни было скрыть неправдоподобіе интриги, она держится вся на остріѣ иглы. Зрители не старались обмануть. Костюмы по своему покрѣпоу напоминали о XVII в., но пестрая ихъ раскраска подчеркивала шутовской характеръ пьесы, ея нарочитость. Самъ Сганарель одѣтъ былъ какимъ то скоморохомъ: оранжевая рубаха съ бѣлыми нашивками, несуразные, мѣш-

коватые штаны... И что то нелѣпое, фантастическое во всей фигурѣ актера — Андре Флоранси.

Здѣсь, въ этомъ именно персонажѣ, да на была наибольшая карикатурность; здѣсь мы обазывались вовсе вѣт жизни, вышравды ея. Гунапа, дряблая, широкая рожа, плотная коротконогая фигура, одинокъ видъ которой вызывалъ уже смѣхъ... но чудомъ какимъ то здѣсь именно и загоралась жизнь. Кукольны были всѣ персонажи; но въ нихъ сохранилось еще какое то подобіе обиденной правды; нелѣпѣе всѣхъ Сганарель, изъ котораго вытравленъ какъ будто послѣдній атомъ реальности, каждое слово, каждый жестъ котораго вывертъ, — но онъ то и оказывается единственнымъ живымъ существомъ среди фантомовъ, условныхъ фигуръ старинной комедіи — молодыхъ любовниковъ, старика отца, бойкой прислуги наперсницы, распутывающей сложный узелъ интриги.

Въ Мольеровскомъ Сганарель достаточно материала для умѣлаго, даровитаго актера, чтобы построить вполне реалистическій, бытовой типъ. Андре Флоранси идетъ инымъ путемъ; его Сганарель — карикатура, клоунъ, но онъ логиченъ въ своей нелѣпости, онъ внутренне послѣдователенъ, и потому убѣждаетъ. Источникъ его движеній, его рѣчей въ немъ самомъ; они вытекаютъ изъ его сущности. Образъ — рѣзкій гротескъ; но онъ психологически правдивъ, въ своемъ родѣ совершенно такъ же какъ правдивы персонажи «На Двѣ».

Въ «Женитьбѣ» — ощущается, напротивъ определенный уклонъ къ бытовому реализму. Большую роль въ этой постановкѣ сыгралъ конечно, кн. Шервашидзе, чья превосходная декорация во всѣхъ почти подробностяхъ вполне выдержана въ стилѣ эпохи. Комната Подколесина грязна и гнусна. Гостинная Агафьи Тихоновны — нарядна, вполне въ петербургско-купеческомъ вкусѣ. Неприятное впечатлѣніе производитъ лишь портретъ «Самого» въ какой то «Дацаровской» рамѣ. Душняка — самая настоящая босоногая дѣвка. Костюмы, чуть иногда шаржированные, всѣ очень хороши. Но артисты не рѣшили, не знали, что они въ точности играютъ: веселый ли фарсъ, грубоватую шутку, или бытовую комедію, съ символическими, быть можетъ, даже устремленіями. Единственный, кто нашелъ вѣрный тонъ, былъ все тотъ же Андре Флоранси: его Жевакинъ, точно такъ же какъ и его Сганарель, заставили насъ поверить въ правду своей гримасы. Онъ — карикатура, онъ — шутъ; но шутъ реаленъ до жуткости. Всѣ же остальные персонажи, остановившись въ своемъ шутковѣстѣ на полъ пути, оказались сценически фальшивыми. Ихъ личности, у Гоголя столь опредѣленныя, словно высѣченныя изъ камня, какъ то смякли, стерлись и острее углы ихъ затупились.

Яичница превратилась въ какого то

ворчуна добряка; гнѣвъ этого толстаго дяди никому, конечно, не страшенъ. Аучкинъ вовсе ступевался за Жевакинѣмъ, ставшимъ вдругъ героемъ пьесы. Кочкаревъ — вертлявъ и суетливъ, но нѣтъ въ немъ той страсти, того вдохновенія, которые вложилъ въ него Гоголь. Фекла Ивановна, Агафья Тихоновна, свача, несмотря на характерные костюмы и гримъ, обратились въ пустыя ехемы, въ какіе то отблеченные типы. Виѣшность Степана была великолѣпна и одинокъ уже видъ его вызвалъ восторгъ зрителей; но почему то вмѣсто грубой и отрывистой рѣчи слуги Подколесина мы услышали слабый лепетъ какого то заспаннаго идиота.

Самая необычайная метаморфоза приключилась съ Подколесинѣмъ: мелкій петербургскій чиновникъ, превратился въ какого то beau ténébreux въ Гамлета съ Песковъ, отразившаго всю мировую скорбь въ своемъ обюзгшемъ, но красивомъ лицѣ, въ своей изогнутой фигурѣ, въ разслабленной походкѣ. Таковъ былъ вѣроятно въ сорокъ лѣтъ Онѣгинъ.

Мнѣ кажется, надъ артистомъ и режиссеромъ злую шутку въ данномъ случаѣ сыграла пресловутая «âme slave», которую бельгийцы открыли въ Подколесинѣ и рѣшили и намъ показатъ воочію.

Мой коллега, А. Я. Левинсонъ въ замѣткѣ, приложенной къ программѣ спектакля, съ обычной остротой своей намѣтилъ для французской публики глубокое значение Подколесина и всей гоголевской комедіи. Но Делякръ и его сотрудники настолько перегрузили этотъ образъ символическимъ содержаніемъ, что черты его совершенно неказались. Нѣкоторую роль сыгралъ, быть можетъ, и французскій переводъ (вполнѣ правильный) чина Подколесина: « Conseiller de cour » звучитъ очень пышно и вызываетъ предствленія вовсе чуждыя русскому скромному «надворному совѣтнику».

Въ общемъ, спектакль очень пестрый, неровный, отдѣльные моменты котораго были превосходны: группа жениховъ, распивающихъ чай во второмъ актѣ, напр., всѣ сцены Жевакина... Французская публика была въ восторгѣ и много смѣялась. Мы же, русскіе, со смѣхомъ не соглашались, радовались частнымъ удачамъ и благодарно вспоминали о любовномъ трудѣ, потраченномъ бельгийскими артистами на проникновеніе въ чуждый имъ міръ.

Два слова о переводѣ. При всемъ своемъ уваженіи къ плодотворной дѣятельности г. Дени Рошъ, какъ переводчика, я не могу раздѣлить восторга нѣкоторыхъ людей передъ французскою «Женитьбой». Переводъ корректенъ (хотя почему то Яичница превращенъ въ «Сардинку»), но нѣсколько вялъ и лишень силы и остроты подлинника. Конечно, здѣсь, сейчасъ болѣе чѣмъ когда либо умѣстно вспомнить поговорку — La critique est aisée, mais...